

УДК 340.113

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-52-58

А. И. Николаев

Московский городской педагогический университет,

Москва, Российская Федерация,

nikolaevai@mgpu.ru

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР
В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА**

Аннотация. В статье рассматривается круг вопросов, связанных с выявлением и обоснованием влияния технологических факторов на современное правовое развитие. Технологии, характерные для нового технологического уклада, приводят к расширению пространства социального взаимодействия, ускоряют темпы общественного развития, что определяет новые требования к правовому регулированию. В настоящее время, учитывая новые условия, наблюдается недостаточная эффективность существующего механизма правотворчества. Для улучшения ситуации следует шире использовать прогнозирование и моделирование в сфере права, опираться на передовые теоретические разработки. Выводы исследования: адекватное и дозированное использование современных технологий для развития права может способствовать повышению эффективности правового регулирования, сохранению роли права в качестве ведущего регулятора общественных отношений.

Ключевые слова: технологический уклад; правовое регулирование; цифровые технологии; система права; конвергенция в праве; правотворчество.

UDC 340.113

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-460-52-58

A. I. Nikolaev

Moscow City University,

Moscow, Russian Federation,

nikolaevai@mgpu.ru

**THE TECHNOLOGICAL FACTOR
IN THE DEVELOPMENT OF MODERN LAW**

Abstract. The article discusses a range of issues related to the identification and justification of the influence of technological factors on modern legal development. Technologies characteristic of the new technological order lead to the expansion of the space of social interaction, accelerate the pace of social development, which determines new requirements for legal regulation. Currently, given the new conditions, there is an insufficient effectiveness of the existing law-making mechanism. To improve the situation, forecasting and modeling in the field of law should be used more widely, relying on advanced theoretical developments. The conclusions of the study: the adequate and dosed use of modern technologies

for the development of law can contribute to improving the effectiveness of legal regulation, preserving the role of law as the leading regulator of public relations.

Keywords: technological structure; legal regulation; digital technologies; legal system; convergence in law; lawmaking.

Введение

Право регулирует общественные отношения, находится с ними в неразрывной связи и реагирует на их трансформацию. Вслед за изменениями, происходящими в обществе, в сфере права появляются новые нормы, институты и даже отрасли. Так, со времени появления марксистской теории считалось, что одним из наиболее значимых факторов общественного развития является экономический фактор. В современных условиях ученые-правоведы все чаще говорят о технологическом факторе, подчеркивая его усиливающееся воздействие на динамику социальных отношений [2]. Введены в научный оборот понятия «конвергентные технологии», «цифровое государство» и «цифровая правовая среда». Получает справедливую оценку методологическое значение теории технологических укладов [7]. Все это определяет потребность в анализе того влияния, которое технологическое развитие оказывает на право. Представляется важным выявить основные направления влияния новых технологий на правовое развитие, обозначить дальнейшие перспективы эволюции правовой среды в высокотехнологичном обществе.

Методы исследования

Важное методологическое значение для разработки тематики исследования имеет теория технологических укладов. Также были использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Обращение к российскому законодательству обусловило использование формально-юридического метода. Исследование отечественной юридической доктрины определило потребность в использовании метода контент-анализа.

Основное исследование

Теория технологических укладов, разработанная представителями экономической науки, все шире применяется в юридических исследованиях, так как позволяет выявить и обосновать существующую зависимость между развитием новых, критически важных для общества технологий и эволюцией права. Сегодня в экономике России существует сразу несколько укладов; при этом технологии, характерные для появляющегося шестого уклада, стремительно преобразуют разные стороны общественной жизни, вторгаются не только

в производство, но даже в межличностные отношения. К числу технологий, определяющих сущность нового уклада и влияющих на правовое регулирование, стоит отнести искусственный интеллект (ИИ), интернет вещей, блокчейн, 3D-печать, геномные и иные передовые биотехнологии, нанотехнологии, квантовые технологии, когнитивные технологии, беспроводную передачу энергии и др.

Изменение общественных отношений, которое происходит под воздействием технологического развития, связано с появлением новых сфер, прежде всего отношений в виртуальном пространстве с участием ИИ; с применением новых форм экономического взаимодействия в рамках смарт-контрактов, оборота криптовалют и т. д. [3]. Возникают острые вопросы защиты персональных данных в интернете, сохранения тайны, предотвращения мошеннических действий в сети, включая дипфейки и т. д. [6]. В итоге право как регулятор общественных отношений оказалось перед лицом новых вызовов, инициирующих масштабные изменения в механизме правового регулирования, требующих от права серьезной динамики, прежде всего в качественном отношении.

Ученые-правоведы, исследующие процессы современной правовой динамики, отмечают, что новый технологический уклад уже повлиял на систему права [9, с. 33–34], в которой наблюдается появление новых, в значительной мере нетипичных элементов, не укладывающихся в классические теоретико-правовые представления. В частности, к ним относятся циклические правовые массивы, одним из которых является цифровой массив [1]. Его формирование вызвано насущными потребностями быстро формирующейся цифровой среды. Эти новые отношения нуждаются в эффективном правовом регулировании, которое не может осуществляться старыми нормами. В силу этого наблюдается активизация правотворческой деятельности применительно к цифровым технологиям и порождаемым ими отношениям [7]. Цифровые нормы не создают новой отрасли права, они органично включаются в уже существующие отрасли: гражданское, финансовое, процессуальное право, законодательство о государственной службе и т. д.

Изменения, происходящие в системе права, позволяют поставить вопрос о том, что существующие в теоретико-правовой науке представления во многом уже не отвечают складывающейся реальности [9, с. 33]. Возникает необходимость новых исследований, касающихся системы и структуры права, критериев правоотраслевого деления, целесообразности выделения комплексных отраслей права, соотношения публичного и частного права.

Под влиянием новых технологий, прежде всего цифровых, неизбежно происходит глобализация общественных отношений, одним из последствий которой выступает конвергенция правовых систем. Этот процесс характеризуется не только открывающимися возможностями для унификации законодательства (которая происходит, например, в рамках Таможенного союза ЕАЭС), но и более сложными процессами, связанными со сближением правовых институтов, изначально принадлежавших к различным правовым семьям. В данном ключе стоит отметить и сближение источников права, что связано, в частности, с проникновением элементов прецедентного права в страны континентальной

правовой семьи. В качестве примера можно назвать попытку внедрения ограниченного судебного прецедента в правовую систему Армении, а также создание прецедентного правосудия в рамках Международного финансового центра в Казахстане. В Российской Федерации продолжаются дискуссии о прецедентном правосудии. Существует позиция, что решения Конституционного суда можно отнести к числу прецедентов, так как они непосредственно влияют на правотворчество. В то же время Конституционный суд не относится к числу правотворческих органов, сам не принимает новых правовых норм, поэтому под классическое определение прецедента его решения не попадают. Данный вопрос также требует углубленной теоретико-правовой проработки с учетом имеющегося опыта развития системы правосудия.

В российской правовой системе, подобно правовым системам стран романо-германской правовой семьи, существует разделение права на частное и публичное, при этом в наших реалиях публично-правовая составляющая явно преобладает [8, с. 64]. Публичное право регулирует отношения с участием государства и затрагивающие интересы государства, при этом предполагается неравный статус участников. Оно характеризуется большим количеством императивных норм, преобладанием обязываний и запретов. В то же время ученые все чаще пишут о таком явлении, как конвергенция частного и публичного права. Одним из первых разносторонне исследовал данный вопрос Н. М. Коршунов [5]. Сегодня можно наблюдать, что в публичное право проникают элементы частного правового регулирования [8, с. 65]. При этом для России характерно отсутствие дуализма частного права, что проявляется в регулировании торговых отношений с помощью не торгового, а гражданского права. В этой связи продолжают закономерные дискуссии о предпринимательском праве, которое во многом связано с государственным регулированием экономической деятельности и в некоторой степени конкурирует с гражданским правом. Наблюдаемые тенденции, порожденные технологическим развитием, позволяет предположить дальнейшее проникновение элементов частного права в регулирование предпринимательской деятельности. Развитие современной высокотехнологичной экономики возможно при усилении диспозитивности правового регулирования, при большей свободе для участников экономических отношений избирать модели взаимодействия на основе взаимных договоренностей. Это повышает значимость частноправового метода регулирования общественных отношений.

В то же время наблюдаемая в мире тенденция к дальнейшей бюрократизации государственного управления, в том числе в сфере экономики, приводит к усилению публично-правовых начал и большей жесткости в правовом регулировании. В итоге возникает целая группа противоречий, для разрешения которых в правотворчестве требуется предварительное глубокое научное осмысление происходящих процессов, предполагающее широкое использование правового прогнозирования. Такое прогнозирование можно осуществлять с применением современных технологий, в том числе ИИ. Это позволит построить модели социально-экономического развития, учитывающие перспективы дальнейших

технологических новаций, и определить оптимальные механизмы правового регулирования тех отношений, которые сегодня только зарождаются, но уже в близкой перспективе могут стать повседневной реальностью.

Также стоит отметить, что в высокотехнологичном обществе имеющаяся правотворческая деятельность оказалась малоэффективной и отстающей от темпов общественного развития [7, с. 32]. Количество ежегодно принимаемых законов велико, изменения во многие акты вносятся постоянно, но ситуация в экономике и других сферах меняется еще быстрее. Если значительная часть общественных отношений, которые следует урегулировать правом, осуществляется в виртуальной среде и приобретает цифровые формы, то логично предположить, что право также должно приобретать цифровые формы. В связи с этим в научной литературе активно дискутируются вопросы, связанные с электронным нормативным актом, машиночитаемым правом, цифровым законом [4]. Внедрение данных форм несет определенные сложности как теоретического, так и практического характера. Их обсуждение приводит к формированию отдельного научного направления в рамках юриспруденции. Ситуация осложняется еще и тем, что юристы в большинстве своем имеют недостаточно полное и верное представление о сущности и особенностях применения современных технологий, а сотрудничество с представителями «мира техники» осложнено в силу различий используемого профессионального языка и разного стиля мышления. Тем не менее именно такое сотрудничество может дать необходимые результаты, позитивно влияющие на совершенствование правотворческой деятельности с помощью технологических инноваций.

Еще один блок вопросов, которые предстоит уже в ближайшее время решать юридической науке, связан с биотехнологиями. Эти вопросы имеют не только правовое, но и нравственное содержание. Они нуждаются как в правовой, так и в моральной оценке. Например, технология клонирования вызвала бурные дискуссии в обществе, что привело фактически к ее запрету в ряде стран. 12 января 1998 г. в Париже был подписан Протокол о запрете клонирования людей¹. В Российской Федерации принят Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ (действует в ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека». Действительно, возможное клонирование человека порождает такие юридические проблемы, как определение отцовства и материнства, вопросы наследования и брака. Помимо этого, возникают многочисленные проблемы религиозного и нравственного характера, пока не находящие своего разрешения, что также влияет на правовое регулирование. Учитывая временный характер принятого в России соответствующего закона, вопрос о клонировании и его регулировании отложен, но не разрешен окончательно. Юристам предстоит серьезная работа по осмыслению большого круга вопросов, возникающих в связи с современными биотехнологиями и далеко не исчерпывающихся темой клонирования.

¹ Почему запретили клонирование человека // Парламентская газета. 12 янв. 2021. URL: <https://www.pnp.ru/social/pochemu-zapretili-klonirovanie-cheloveka.html> (дата обращения: 15.06.2025).

Результаты исследования

Проведенное исследование показывает, что технологическое развитие в современных условиях становится одним из наиболее значимых факторов, влияющих на развитие права в силу воздействия на общественные отношения. Переход к новому технологическому укладу заставляет правоведов изучать и решать важные вопросы, связанные с теорией системы права и его источников, с совершенствованием правотворчества с целью повышения его эффективности, а также с распространением правового регулирования на возникающие новые сферы общественных отношений, включая отношения в виртуальном пространстве. Практическое решение этих и иных вопросов стоит осуществлять с помощью самих новых технологий, прежде всего цифровых. Их адекватное и дозированное использование может способствовать повышению эффективности правового регулирования, сохранению роли права в качестве ведущего регулятора общественных отношений. При этом внедрение новых технологий в правовую сферу возможно только на основе глубокого теоретического осмысления существующих проблемных аспектов и построения перспективных моделей, позволяющих получить представление о последствиях и ожидаемых эффектах в общественном развитии.

Список источников

1. Абдиева Д. А. Циклические правовые массивы как нетипичные образования в системе права шестого технологического уклада // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 2 (54). С. 68–77.
2. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1 (53). С. 7–13. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01
3. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4 (52). С. 7–14. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.01
4. Гуляева П. С. Применение генеративных языковых моделей в условиях цифровизации нормотворчества // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 126–137.
5. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. 238 с.
6. Николаев А. И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1 (53). С. 38–44.
7. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.
8. Пашенцев Д. А. Роль частного права в формировании институтов гражданского общества // Вестник Академии права и управления. 2014. № 36. С. 63–68.
9. Пашенцев Д. А. Система права в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 4 (40). С. 32–38. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.40.4.03

References

1. Abdieva D. A. Tsiklicheskie pravovye massivy kak netipichnye obrazovaniya v sisteme prava shestogo tehnologicheskogo uklada // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2024. № 2 (54). S. 68–77.
2. Abramov R. A., Pashentsev D. A. Osnovnye napravleniya vlijanija tsifrovych tehnologij na razvitie prava // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2024. № 1 (53). S. 7–13. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01
3. Abramov R. A., Pashentsev D. A. Razvitie tsifrovoj ekonomiki kak faktor dinamiki pravovogo regulirovanija obshhestvennyh otnoshenij // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2023. № 4 (52). S. 7–14. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.01
4. Guljaeva P. S. Primenenie generativnyh jazykovyh modelej v uslovijah tsifrovizatsii normotvorchestva // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2023. № 3 (51). S. 126–137.
5. Korshunov N. M. Konvergentsija chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki. M.: NORMA: INFRA-M, 2011. 238 s.
6. Nikolaev A. I. Voprosy tsifrovizatsii prava v sovremennoj juridicheskoy doktrine // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2024. № 1 (53). S. 38–44.
7. Pashentsev D. A. Osnovnye napravleniya i osobennosti razvitija zakonodatel'stva v uslovijah tsifrovizatsii i perehoda k novomu tehnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2021. № 3 (43). S. 31–39.
8. Pashentsev D. A. Rol' chastnogo prava v formirovanii institutov grazhdanskogo obshhestva // Vestnik Akademii prava i upravlenija. 2014. № 36. S. 63–68.
9. Pashentsev D. A. Sistema prava v uslovijah perehoda k novomu tehnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2020. № 4 (40). S. 32–38. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.40.4.03

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025.

The article was submitted: 18.07.2025;
approved after reviewing: 18.08.2025;
accepted for publication: 05.09.2025.